

УДК 2-8

**ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БЛАГОТВОРЕНИЯ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ****Е.П. Белоножко¹⁾, А.М. Капустина²⁾**

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: belonozko@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: belonozko@bsu.edu.ru

В данной статье осуществлена попытка выявить и проанализировать ценностно-мотивационные основы благотворения в Древней Руси. Проблема мотивации благотворения в целом, и мотивации благотворения в Древней Руси, в частности, является весьма актуальной и мало исследованной. Исследование представляет собой философский анализ древнерусских памятников литературы, исторических исследований. Отмечено, что мотивация благотворительности в Древней Руси тесно связана со спецификой русского отношения к богатству и феномену нищенства. Выделены основные мотивы благотворительности в Древней Руси: прагматический, мотив духовно-нравственного совершенствования, христианские мотивы: сотериологически-эсхатологический, любовь к Богу и ближнему, мотив «сакрального пиетета», социально-политический.

Ключевые слова: мотив, милосердие, ценностно-мотивационные основы, сотериологический мотив, эсхатологический мотив, благотворение.

Введение

История Древней Руси во многом совпадает с историей принятия и утверждения христианства и христианской системы ценностей в русском обществе. В связи с этим, многие дореволюционные авторы начало развития благотворительности связывали исключительно с введением христианства на Руси, так как в христианстве к тому времени уже были сформулированы основные императивы «теории милосердия». Однако ряд современных исследователей отмечает, что ещё до принятия христианства на Руси существовали богатые традиции взаимопомощи у славян, обусловленные специфическими культурно-историческими условиями и доминирующими ценностями древних славян [8, 5-6; 17; 23].

Призрение в системе традиционных ценностей древних славян

В традиционной славянской культуре были выработаны основные идеалы, нормы и правила жизни людей, которые, несмотря на многочисленные трансформации с течением времени перешли в мировосприятие русского народа. О.С. Осипова отмечает: «Ценностная сторона в мироотношении народа непосредственно связана с общественным, коллективным сознанием или представлениями»[9]. Э. Дюркгейм предложил понимание коллективного сознания как обладающую собственным бытием совокупность верований и чувств, общих для членов данного общества. Он подчёркивал, что системы ценностей имеют коллективное происхождение. В свою очередь, коллективное мышление преобразует мир под воздействием созданных им идеалов; под идеалами мыслитель

понимал основные социальные явления: религию, мораль, право, экономику, эстетику, которые есть «не что иное, как системы ценностей, следовательно, идеалы» [4, 302-303]. О.С. Осипова называет эти идеалы ценностными коллективными идеями, утверждая, что важнейшие славянские коллективные идеи связаны с понятиями единства Мироздания, всепроникающей божественности, взаимообусловленности и относительности всех явлений, которые преломляются во множестве частных идей: одухотворение природы, предание о происхождении людей как сынов и дочерей богов, *приоритет коллективного начала над личностным*, патриотизм, *верность долгу*, чести и *справедливости* [9, 200-211]. Исследователь отмечает приоритет этических ценностей у славян, жизнь которых подчинялась достаточно строгим императивам, задававшим нормы морали и нацеленным на достижение социальной гармонии.

Историки находят корни сострадательного отношения к ближнему, столь распространенного на Руси, еще в обычаях древних восточных славян [19, 97].

Современный исследователь социальной работы М.В. Фирсов отмечает: «...философия жизни языческой общности вызывала к жизни определённые формы поддержки и защиты. Реципрокные и редистрибутивные социальные связи, направленные на сохранение единого пространства жизнедеятельности, важного для всех его членов, создали особый нерв социогенома, и его архитипические формы существования, сложившиеся за многие столетия, стали основой для христианской модели помощи и поддержки нуждающимся» [22, 24-25].

Благотворение как рефлексия древнерусского общества на этапе усвоения новой религиозной идеологии – православия

Христианская система ценностей растворила в себе славянские «ценностные коллективные идеи», что повлекло за собой её неизбежную трансформацию и, как следствие, своеобразное преломление христианского идеала мотивации благотворительности.

Как отмечает Т.Е. Покотилова: «...древнерусская благотворительность стала результатом рефлексии древнерусского общества в процессе создания и развития своей культурной среды на этапе усвоения русским обществом адекватной усложнявшимся общественным отношениям религиозной идеологии – православия» [17, 26].

Как известно, значительную часть православной этики занимает учение о любви к ближнему и милосердии, призывавшее выполнять дела милосердия в качестве главного средства спасения души. В силу закономерной монополии и функциональной обязанности православной церкви проповедовать христианское учение о любви к ближним, древнерусское общество пользовалось руководством церковной иерархии в выполнении дел милосердия. Данное руководство осуществлялось по трём направлениям: воспитание нравственных побуждений к благотворению через проповедь учения о любви и милосердии; воспитание паствы примерами собственного милосердия в среде иерархов; практическая работа по организации призрения через собственные структуры за счёт церкви, государства, общин, братств и милостыни.

Анализ церковной литературы назидательного характера и летописей позволяет восстановить картину мотивации благотворения – в древнерусских источниках получила отражение своеобразно воспринятая система христианских ценностей. «Поучение к братии» архиепископа Новгородского Луки Жидяты содержит этико-социальные призывы. Характерно, что рекомендации носят характер отрицания, доминирующая установка – «не навреди» (это ветхозаветный принцип, в Новом Завете – «возлюби»), то есть автор сочинения ориентирован на ветхозаветные регламентации, что, в целом, является показателем восприятия христианства древнерусским обществом вообще. Речь идёт о процессе специфического синтеза язычества и христианства в русской культуре.

Древнерусскими авторами отмечалась особая сила милостыни, её место среди других добродетелей. Владимир Мономах в «Поучении» говорит, что сам «Господь показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать: покаянием, слезами и милостынею» [18, 62].

В статье «О звании сильных» Изборника 1076 года автор призывает творить милостыню, так как это воля Божья, и вознаграждением будет Царство Небесное, он формулирует древнерусский вариант библейского «Блаженны милостивые...», тем самым, акцентируя внимание на «спасительном», сотериологическом аспекте милосердия.

Особое значение в плане осмысления древнерусским духовенством проблемы мотивации благотворения имеют труды Феодосия Печерского (1036-1074). Как и ряд других авторов своего времени, он обращает внимание на библейскую притчу о десяти мудрых девах и пяти неразумных, в которой для последних закрылись двери Божьего человеколюбия, поскольку они масла милостыни не принесли. Таким образом, мыслитель отмечает сотериологический мотив милостыни.

Дидактизм древнерусской литературы повлеч за собой обращение к примерам (выполнявшим воспитательную функцию), подчёркивающим как сотериологический аспект мотивации помощи ближнему, так и его прагматический мотив (предполагается, что Господь воздаёт милующему уже здесь, на земле). В Киево-Печерском Патерике повествуется, что подвижнику обители Иоанну за его милость к нищим Господь чудесным образом удвоил богатство, которое сын его Захария отдал на нужды обители. «На серебро же и золото это поставлена была церковь во имя святого Иоанна Предтечи, в память Иоанна я сына его Захарии, так как на их золото и серебро была она построена». В Синайском же Патерике рассказывается, что Господь также в несколько раз умножил серебряники язычнику, отдавшему по совету жены-христианки небольшую сумму займа христианскому Богу – для нуждающихся [12, 129]. Здесь очевидна параллель с ветхозаветной мотивацией благотворения, где акцент ставился именно на прагматической мотивации.

М. Грек (1470-1556) выступает с критикой монашества за то, что, не имея сострадания, они угнетают крестьян, призывает возлюбить убогих и нищих, вдов и сирот, обличает богачей, не помогающих бедным. Он критиковал показную помощь как несоответствующую христианскому идеалу. М. Грек обращал внимание в своих проповедях на людей свободных от стремления к обогащению, исполняющих евангельские заповеди, «посредством которых скоро и удобно достигается ими самая главная добродетель – любовь к Богу и ближнему своему» [14, 477]. Особенную требовательность он проявлял к монахам: «вместо постов великих и бдений лучше бы человеколюбие показа к нищим» [1, 124]. Данным требованием Максим Грек вступает в некоторое противоречие с православной традицией, однако, оно характеризует ценностные ориентиры Древней Руси. Здесь, показательно то, что милостыне он отдаёт предпочтение перед молитвой и постом. Вероятно, мыслитель этим выражением не пытался принизить значение этих действий, он скорее выступал только против показного благочестия, за которым скрывались грубые нравы, бесчеловечность. Мыслитель сетовал, что смысл подлинного милосердия чужд ревнителям показного благочестия.

Т.Е. Покотилова отмечает, что учение о братолюбии и милосердии трактуется русскими проповедниками специфично: милостыне наряду с самим фактом крещения придаётся такая «спасающая» сила, что покаяние, пост, лишение, все другие религиозные таинства уходят на задний план [17, 26].

В условиях двоеверного синкретизма, ставшего следствием тесного соприкосновения нового мировоззрения с дохристианской культурой, происходят определённые изменения, как в содержательной части христианского вероучения, так и связанных с ним представлениях, в том числе взглядах на мотивацию благотворения. Здесь речь идёт о том, что христианские идеалы получают «более земную» интерпретацию, что проявляется в редукции всего спектра идеальной (должной) христианской мотивации благотворения к мотиву искупления с помощью милостыни. Это проявляется в том, что древнерусские авторы гораздо чаще пишут о спасительной силе именно милостыни, а не любви к ближнему и подлинного милосердия. Так, пытаясь осмыслить проблему милосердия, древнерусские авторы используют следующие понятия: «милосердие», «милость», «милование», «милостыня». Наблюдения М.В. Фирсова за

семантическим изменением этих понятий позволяют также сделать вывод о том, что в XI – XII вв. названные понятия не были дифференцированы и являлись тождественными [23, 46].

Относительно быстрое укоренение в мировоззрении православного населения мысли о том, что щедрая и регулярная милостыня – решающий и достаточный, наряду с крещением, фактор, обеспечивающий «спасение», Т.Е. Покотилова связывает с овеществленностью, относительной простотой в осуществлении и быстротой исполнения данного «очищающего» акта, понятного и притягательного для бывших язычников, а также его близостью не ушедшим еще совсем в прошлое традициям братства и равенства, свойственным родоплеменным отношениям [17, 26].

Доказательством тому – частые и щедрые благотворительные раздачи денег великими князьями, начиная с Владимира I, носившие, как показывают источники, не показной, а обрядовый характер. Примеры князей вызвали адекватные действия в древнерусском обществе: в летописях и житиях святых дела милосердия предписываются всем лицам, выделявшимся из среды своих современников особыми нравственными качествами. Однако укоренение нищелюбия не означало смягчения нравов древнерусского общества. Так, митрополит Макарий (Булгаков) (1816-1882) описывая историю русской церкви, большое внимание уделяет состоянию веры и нравственности русского общества в рассматриваемые периоды. Он также отмечает милосердие и щедроты князя Владимира, его детей – Бориса, Глеба, Ярослава и других князей. Однако, говоря, что милосердие к бедным и страждущим было одной из господствующих добродетелей того времени, автор сетует на то, что «несравненно больше мы видим тогда примеров немилосердия и несострадательности к ближним, даже жестокости и бесчеловечия» [6, 310], которые составляли главный нравственный недостаток своего времени. Скорее всего, автор в данном случае имел в виду тот факт, что церковь и государство пытались приобщить верующих к делам милосердия, декларировали милосердие как высший нравственный принцип, однако чаяния церкви не всегда совпадали с реалиями жизни древнерусского общества.

Трансформация христианской ценностной мотивации в условиях формирования секулярного мировоззрения

Проблемы отношения к нищенству, их индольгентного принятия в общественное пространство как особой социальной группы, своеобразной культуры нищелюбия тесно связаны с мотивацией благотворения в Древней Руси.

Трансформация христианского императива «Возлюби ближнего...» в древнерусское нищелюбие обусловила не только комплекс социальных проблем, связанных с феноменом профессионального нищенства, но и повлияла на мотивацию благотворения. Позиция В.О. Ключевского относительно мотивации благотворения неоднозначна. Историк отмечал, что любовь к ближнему в Древней Руси полагали, прежде всего, в подвиге сострадания к страждущему, её первым требованием признавали личную милостыню: «Человеколюбие на деле значило нищелюбие». Причем благотворительность была не столько средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: в ней больше нуждался нищелюбец, чем нищий: «Целительная сила милостыни полагалась не столько в том, чтобы утереть слёзы страждущему, уделяя ему часть своего имущества, сколько в том, чтобы, несмотря на его слёзы и страдания, самому пострадать с ним, пережить то чувство, которое называется человеколюбием» [24, 76]. Древнерусский благотворитель, «христороубец», менее помышлял о том, чтобы добрым делом поднять уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования». Здесь историк отмечает доминирующий мотив древнерусской мотивации благотворения – мотив духовно-нравственного совершенствования, фактически отрицая мотив гражданской ответственности, прагматические мотивы. Вместе с тем, В.О. Ключевский акцентирует внимание и на сoterиологической мотивации – нищий для благотворителя был лучший богомолец, в

подтверждение своих слов автор приводит поговорку: «Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвою спасается». Таким образом, он понимает благотворение как «спасающий акт» в жизни православного христианина.

Обратимся к попыткам осмысления феномена нищенства древнерусскими мыслителями. Можно обозначить две точки зрения на эту проблему. Так, М. Грек рассматривал нищенство как институт социального воспитания, необходимый для гармонизации отношений всех слоёв общества. М. Грек мечтал о своеобразной культуре нищенства как культуре равенства и справедливости, воспитывающей у всех членов общества благородные чувства, то есть он идеализировал нищенство.

Другой взгляд на нищенство, попытка оценить его со светских позиций принадлежит Епифанию Славинецкому. Сочинение «Слово о милости и кии просящих достойни суть милости, кии же ни» Епифания Славинецкого – одно из первых светских представлений о сущности милосердия. В основу милосердия им положен принцип богоуподобления и любви к ближнему. Автор широко понимал общественное призрение, выделяя в нем три уровня поддержки: помощь духовную, помощь институциональную, «нищепиталище долгое», и помощь традиционную, «нищепиталище общее».

Впервые Епифаний Славинецкий рассматривал «людей церкви», нищих не только как заступников перед всевышним, но и как тунеядцев, обманом промышляющих и спекулирующих на добрых чувствах христиан. Для того чтобы профессиональное нищенство не распространялось, автор предлагал молодым и здоровым предоставлять работу и «иные рукоделия». Он разработал теорию борьбы с нищенством и помощи нуждающимся. В проекте учитывался тот факт, что не все могут обращаться за помощью, поэтому необходимо направление ее нуждающимся. Большое место уделяется превентивным мероприятиям против нищенства.

Такая эволюция взглядов от идеализации нищелюбия к попыткам его критического осмысления неслучайна. Несмотря на то, что нищелюбие было призвано воспитать «навык и умение любить человека» на практике оно становилось основой как социальных, так и духовно-нравственных проблем. По нашему мнению, именно тезис «Человеколюбие на деле значило нищелюбие» объясняет такие парадоксы нравственной жизни русского общества, когда дворянин, помещик мог творить милостыню, активно помогать церкви, при этом считая нормой жестокое отношение к ближним (крестьянам). В капиталистический период этот поведенческий стереотип получил отражение в деятельности предпринимателей, которые с одной стороны активно жертвовали нуждающимся, а с другой – жестоко эксплуатировали рабочих, в том числе, женский и детский труд. Интересно то, что в основу благотворения автором положен принцип любви к Богу и ближнему, но, вместе с тем, он впервые предлагает дифференцированный подход к нуждающимся вопреки церковному принципу подачи милостыни.

Вместе с тем, с усвоением христианских ценностей феномен тайной милостыни получал значительное распространение в Древней Руси и в дальнейшее время, что доказывает доминирование религиозных мотивов помощи ближнему над прагматическими, своекорыстными. Л.А. Тульцева понимает под тайной (тихой) милостыней «русский православный обычай тайной раздачи милостыни сиротам, вдовам и другим страждущим» [21, 90]. Никто никогда не знал имени милостынника, т.е. того, кто творил или раздавал милостыню. В этом заключалась суть обычая, который на практике был своего рода ступенью к индивидуальному нравственному подвижничеству.

Е.Л. Дубко даёт следующие характеристики тайным благодеяниям, в нашем случае – речь о тайной (слепой) милостыне: «...раритет, казус, парадокс, перверсия морального сознания, мистериозный продукт процесса десекуляризации морали, таинственный акт..., тип взаимопомощи среди простых людей, элемент культуры бедности, прививка против тщеславия..., небольшая ниша для деятельной добродетели в ожесточившемся мире, коллективистское начало...» [3, 73]. Автор отмечает, что тайные благодеяния базируются всегда на религиозных чувствах.

Одним из факторов мотивации древнерусской благотворительности является специфическое отношение в русской культуре к нищенству, связанное также с благоговейным отношением к увечным, больным людям, страдающим от тяжелых недугов, имеющим ограниченные возможности для жизни и деятельности в неприиспособленном для них окружении. В традиционной языческой, а позднее и в православной культуре им было уготовано особое место. Л.А. Темникова отмечает: «Так же, как отличались их внешний вид и поведение от остального сообщества, так же, и их положение в социокультурном хронотопе было не обычным, не профанным, земным и мирским, но сакральным, окрашенным в священный цвет печатью Бога» [20, 15-16]. В связи с тем, что люди, болезненно отличающиеся своим видом и поведением, вызывали и у окружающих священный (сакральный) трепет, благочестие (пиетет), готовность броситься им под ноги, поделиться с ними своим последним добром, Л.А. Темникова называет это побуждение мотивом сакрального пиетета [20, 15-16].

Специфическое отношение к богатству на Руси, сформировавшееся под влиянием православных ценностей, на наш взгляд, также выступает как фактор мотивации благотворительности, так как богатство возлагало особую ответственность за судьбу ближнего. Н.Я. Данилевский одним из определяющих духовных параметров русской цивилизации называет нестяжательство, преобладание моральных приоритетов над материальным [2, 58], вероятно, поэтому рассуждения о милосердии, милостыни – в контексте осуждения сребролюбия, богатства. «Милость», «милосердие» – обязанность всех людей, в особенности – людей состоятельных. Ведь с одной стороны христианство утверждает добровольную нищету (Мф. 19; 16-21). Но с другой стороны уже ранние Отцы Церкви, и, в частности, Климент Александрийский, начинают истолковывать эту проблему в духовном плане, как проблему прежде всего внутренней жизни, привязанности человека к миру.

Итак, богатство не цель, а орудие, с помощью которого можно угодить Богу. Авторитетные представители церкви не только декларировали принципы христианского отношения к богатству, но и примером своей жизни их доказывали. О святителе Новгородском Ионе (ум. 1470) сказано: «Он получаемое богатство не для себя копил, но отдавал в общественное имущество всех живущих с ним, принося этим помощь обители» [18, 83]. Стихи покаянные второй половины XVI века также свидетельствуют о соотношении богатства и милосердия, любви к ближнему в системе нравственности: О житье моём, житье клирошанина, / Призадумался я, недостойный... / О безумная скупость! / О нелюбовь к ближнему! / Красуясь и кичась Богатством больше мирских людей, / Странников и бедных людей не милуя, / Но и обижая... [15, 150].

В этом отношении интересны и теоретические размышления Ермолая-Еразма Полоцкого и Иосифа Волоцкого. Иосиф Волоцкий защищал идею сильной и богатой церкви, связывал ее не с самодостаточностью церкви как таковой, а с ее «социальными задачами». Иосиф Волоцкий стремился к богатству (не личному, а Иосифо-Волоколамского монастыря), не во имя стяжания, а во имя расширения возможностей для творения благотворительных и Богу угодных дел. Для окрестного населения монастырь всегда являлся источником хозяйственной помощи [7, 338].

Ермолай-Еразм утверждал противоестественность почитания «богатства», золота, серебра, поскольку это противоречит сущности человека, сотворенного по образу и подобию Божию. Он критиковал вельмож, «насилующими коварствы обогате», деяниями своими угождающими дьяволу, а потому «душу же имущу от насильства темну» [23, 73]. Критикуя богатых, социальное неравенство, он обращается к достаточно распространенной идее возмездия или «праведного суда», в результате которого Бог «отыимет власть его».

Достаточно сильным побуждением к благотворению в Древней Руси был социально-политический фактор. Побуждением к помощи нуждающимся здесь являются не личные религиозные убеждения, а осознание необходимости этих мер для поддержания стабильности государства и укрепления своей власти. Тема ответственности и обязанности заботиться о

подданных была поднята ещё в Ветхом Завете, например, в обращении царя Давида к Соломону. В Древней Руси впервые тема «милостивой» деятельности и ответственности правителя за свои поступки появляется у Нестора в «Повести временных лет». По словам Нестора, вся ответственность за бедствия на Руси лежит на ее правителях. Но когда они следуют заветам церкви, происходит расцвет Русской земли. Эти положения раскрываются в трудах Иллариона, где в качестве аргументов он приводит факты из жизни князя Владимира. Илларион (сер. XI в.) – митрополит Киевский, оратор, писатель, церковный деятель в «Слове о Законе и Благодати» раскрывает учение о богоустановленности власти, в контексте которого отмечает, что мирское правление должно строиться на принципах милосердия. Рассматривая княжение Владимира Святого как «образцовое», митрополит Илларион выделяет несколько причин: «закон был предтече и служителем благодати и истины», отказ от идолопоклонства, принятие «спасительного учения». Эти главные стороны его общественного реформирования, а также «щедроты и милостыни», творимые князем и особо хранимые в памяти народной, привели к социальной стабильности. В своей совокупности социальная деятельность князя Владимира построена на основе христианских представлений о милосердии, а потому и считалась идеалом и образцом для подражания следующим правителям. Следуя христианской теории о богоустановленности власти, древнерусские мыслители обращают внимание князей на необходимость соответствовать своему статусу – быть подобными милосердному Богу. Так, Ф. Печерский в посланиях к князю Изяславу призывает его быть милостивым по отношению ко всем людям независимо от их веры и национальной принадлежности. Забота о народе, о социально уязвимых слоях общества – тема, поднимаемая Владимиром Мономахом, Даниилом Заточником.

В XVI веке «милосердие» возводится в ранг государственных добродетелей («Большая челобитная» Ивана Пересветова, Послания Фёдора Карпова), которые, в свою очередь, являются необходимым условием для сохранения «закона и укрепления царства».

Заключение

Таким образом, мотивация древнерусской благотворительности основывалась, во-первых, на двух системах ценностей – древнеславянской и христианской. Во-вторых, проблема мотивации благотворения в Древней Руси была тесно связана со спецификой русского отношения к феномену нищенства и к богатству.

Можно выделить следующие мотивы благотворения в Древней Руси:

– прагматический, основанный на реципрокных и редистрибутивных связях, находивший свою реализацию в общинной взаимопомощи у славян. Ценности – справедливость, коллективизм;

– мотив духовно-нравственного совершенствования;

– христианские мотивы:

1) сотериологически-эсхатологический мотив, особенно следует выделить искупление;

2) любовь к Богу и ближнему, обуславливающая милосердие, сострадание;

3) мотив сакрального пиетета, то есть мотив специфического отношения к нищенству, людям, страдавшим тяжелыми недугами как к богоизбранным людям, молитвенным ходатаям;

– социально-политический мотив – это побуждение, основанное на стремлении сохранить или распространить свое влияние в обществе.

Список литературы

1. Громов, М.Н. Максим Грек. – М.: «Мысль». 1983. -199 с.
2. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. – М.: Древнее и современное. ГУП Чехов. полигр. комб., 2002. – 548 с.
3. Дубко, Е.Л. Всегда ли добрые дела надо делать в тайне? // Вестник Московского университета. 2003. № 4 С. 73-81.
4. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 349 с.
5. Ключевский, В.О. Добрые люди древней Руси. – М., 1915. – 30 с.
6. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 2. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1995. – 702 с.

7. Миронов, Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XIX век. – М.: Издательство «Книжная палата», 1995. – 383 с.
8. Нещеретний, П.А. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. – М.: Издательство «Союз». 1993. – 31 с.
9. Осипова, О.С. Жизнь в системе традиционных ценностей древних славян и русского народа // Жизнь как ценность. Сборник статей. – М., 2000. // Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item>
10. Осипова, О.С. Славянское языческое миропонимание. Философское исследование // Волшебная гора. 1997. № 6. – С. 200-211.
11. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI – начало XII века. (Выпуск 1). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1978. – 413 с.
12. Памятники литературы Древней Руси. XII век. (Выпуск 2). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1978. – 704 с.
13. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. (Выпуск 3). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1981. – 616 с.
14. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. (Выпуск 6). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1984. – 768 с.
15. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. (Выпуск 8). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1986. – 640 с.
16. Православная вера и традиции благочестия у русских в 18-20 веках. Этнографические исследования и материалы. – М.: Наука, 2002. – 469 с.
17. Покотилова, Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России: мировоззрение и исторический опыт: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук (07.00.02) / Т.Е. Покотилова. – Ставрополь, 1998. – 39 с.
18. Скурат, К.Е. Православные основы культуры в памятниках литературы Древней Руси. – М.: Изд. дом «Покров», 2003. – 128 с.
19. Соловьёв, С.М. Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времён. – М.: Мысль, – Т. 1. 751 с.
20. Темникова, Л.А. Благотворительность в контексте духовного развития общества: Автореферат диссертации на соискание степени кандидата социологических наук (22.00.06) / Л.А. Темникова. – Белгород, 1996. – 30 с.
21. Тульцева, Л. А. Тайная милостьня // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII – XX веках. Этнографические исследования и материалы. – М.: Наука, 2002. – С. 90 – 100.
22. Фирсов, М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук (07.00.02.) / М.В. Фирсов. – М., 1997. – 59 с.
23. Фирсов, М.В. История социальной работы в России. – М.: Владос, 1999. – 246 с.
24. Флоренский, П.А. Христианство и культура. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001, – 672 с.

VALUE AND MOTIVE BASIS OF CHARITY IN ANCIENT RUSSIA

Е.Р. Belonozhko¹⁾, А.М. Kapustina²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: belonozko@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: belonozko@bsu.edu.ru

The article deals with the attempt to reveal and analyze value and motive basis of charity IN Ancient Russia. The problem of motivation in general, and also of motivation in Ancient Russia, is rather actual and not much explored. The survey is the philosophical analysis of ancient Russian literature documents and historical researches. The motivation of charity in Ancient Russia is tightly linked to the specifics of Russian relation to the richness and poverty. The main motives of charity in Ancient Russia are pragmatic, spiritual and moral, Christian, soteriological, eschatological, love towards God and people, sacral piethesis, social and political.

Key words: motive, charity, values and motives, soteriological motive, eschatological motive.